

ГУМАНИЗАЦИЯ И ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 141
DOI 10.20339/AM.04-22.085

С.А. Ветров,
д-р философ. наук, проф., заведующий кафедрой
Омский государственный университет путей сообщения
e-mail: s.a.vetrov64@yandex.ru

ЭСТЕТИЗАЦИЯ ИДЕОЛОГИИ РАСПАДА (ОКСИТАНСКИЙ КОНСТРУКТОР)

Кризис рациональной парадигмы мышления и исчерпанность идеалов гуманизма сделали актуальной проблему определения, формулирования и даже конструирования смыслов. Для решения этой задачи активно привлекается исторический материал и используются методы интерпретации и деконструкции. Указанные методы достигают полной реализации в сфере этики и эстетики, поскольку через них в процесс мировоззренческого творчества можно включить максимально большое количество людей, и полученный идеологический результат достигнет максимального эффекта.

Ключевые слова: средневековье, интерпретация, трансформация, деконструкция, окситанский конструктор, катарская ересь, альбигойцы, эстетика, «усредненный голос», идеология, *differance*.

AESTHETICIZATION OF THE IDEOLOGY OF DISINTEGRATION (OCCITAN CONSTRUCTOR)

Sergei A. Vetrov, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of sub-faculty at Omsk State Transport University, e-mail: s.a.vetrov64@yandex.ru

The crisis of the rational paradigm of thinking and the exhaustion of the ideals of humanism have made the problem of defining, formulating and even constructing meanings relevant. To solve this problem, historical material is actively involved, and methods of interpretation and deconstruction are used. These methods achieve full implementation in the field of ethics and aesthetics, because through them the largest possible number of people can be included in the process of worldview creativity, and the ideological result obtained will achieve the maximum effect.

Key words: Middle Ages, interpretation, transformation, deconstruction, Occitan constructor, Cathar heresy, Albigensians, aesthetics, "average voice", ideology, *differance*.

Введение

Интерес к средневековью, его мировоззрению, политике и культуре сегодня обусловлен целым рядом причин.

Во-первых, это связано с кризисом рациональной парадигмы (отказ от поиска истины и стремление заключить конвенцию) и исчерпанностью идеалов гуманизма (отказ человека от стремления уподобиться Богу, но объявление себя, во всем своем нарочитом несовершенстве, венцом мироздания). Состояние наступающей завершенности осознавалось еще в начале XX в. В связи с этим интерес

к Средним векам получил новый импульс. «Средневековье можно назвать ночной эпохой всемирной истории. И это совсем не в смысле "мрака средневековья". Новым средневековьем я называю ритмичную смену эпох, переход от рационализма к иррационализму и сверхрационализму средневекового типа» [1. С. 12].

Мировоззренческий кризис в полном объеме был от-refлексирован философией постмодернизма. Настоятельная необходимость новой парадигмы заставляет обратиться к опыту предшествующей системы ценностей. Данный интеллектуальный маневр давно известен. Его совершали

мыслители Возрождения, обращавшиеся к Античности. Основы нового социального порядка Платон искал не в полисной системе, но в переосмысленной им родовой организации. Такую операцию совершали не только в Европе. Достаточно вспомнить, что Конфуций, предлагая социально-политическую модель государства, постоянно отмечал, что опирается на опыт и знание древних.

Во-вторых, интерес к средневековому мировоззрению обусловлен тем, что в этот период были сложены матрицы современных обществ. В Средние века возникли и продолжают существовать, пусть и с некоторыми оговорками, такие государства, как Англия, Франция, Германия, Польша, Болгария, Русь (Россия) и др. В этом контексте можно сказать, что мы живем в длящемся средневековье. Данный подход со всеми нюансами раскрыт У. Эко, в работах которого средневековая история органично сплетается с современностью. Наступление нового средневековья он связывает с очевидным кризисом империи гегемона, т.е. Великой Американской империи [2. С. 261], а также с появлением «новых варваров, которые несут новое видение мира» [2. С. 259]. Вероятность возрождения мировоззренческих и институциональных форм средневековья отмечают и другие исследователи. Дж. Джекобс полагает, что данная эпоха начинается с «темных веков» [3. С. 15–17]. И. Валлерстайн считает вполне закономерным становление институтов нефеодализма [4. С. 296–297]. Э. Кин говорит о формировании новых форм иерархии, видов аристократии и антиэгалитаристских идеологий [5. С. 12–15]. У. Бек характеризует процесс преобразования инвестиционных фондов в «новых сеньоров» [6].

В-третьих, входя в мировоззренческую плоскость данной эпохи, мы погружаемся в сферу причинности. Это время оформления конфликта Востока и Запада. Причем данный конфликт не следует рассматривать в контексте противостояния Европы и Азии. Прежде всего, это соперничество двух европейских проектов – и значение конфликта не столько политическое, сколько фундаментально мировоззренческое. Начавшись с разделения Римской империи на Восточную и Западную части, размежевание достигло своей завершенности в церковном расколе 1054 г. В дальнейшем эта дистанция усугубилась выделением автокефалий в мире православия и Реформацией в католицизме. Можно сказать, что все современные мировоззренческие конфликты родом из многочисленных расколов средневековья.

И в-четвертых, необходимость выхода из парадигмального тупика сделала легитимным любопытный, но, на мой взгляд, опасный метод переформатирования отживающей свой век системы ценностей, исключающий возможность преобразования. Для успешного осуществления метода предложены многочисленные варианты деконструкции, направ-

ленные на замену смыслов. Властвует тот, кто управляет смыслами. В процессе переформатирования современности вполне логично обращение к опыту средневековых трансформаций, поскольку именно в эту эпоху оформились в условный канон принципы христианской цивилизации. Сторонники современного переформатирования стремятся «поправить» базовые понятия, запустить механизм самодетерминации и тем самым придать трансформациям статус объективности. Необходимо учитывать, что переформатирование осуществляет масса людей, многие из которых не отдают себе отчета в собственных действиях. Разворачивается «творчество» (читай «креативность») в саморазрушении. Идея не новая. Достаточно вспомнить слова Пети Верховенского из романа «Бесы»: «мы поседем смуту» или вполне легитимную стратегию «управляемого хаоса». Продолжающаяся секуляризация жизни разворачивается не престо через деклерикализацию, но и через дехристианизацию, что приводит к расчеловечиванию. Актуализируется «...апокалиптическое мировоззрение, порожденное неуверенностью перед завтрашним днем, избилующее предрассудками, которые играют роль символических опор в рушащемся социальном пространстве» [7. С. 141].

Смещение мировоззренческих смыслов сопровождается институциональными трансформациями собственности, семьи и государства.

Для рассмотрения феномена деконструкции стоит разобраться с понятием конструктора, ибо деконструируется только конструкция. Живое и органичное образование можно только расчленить и убить. Понятие социального конструктора используется в социологии и философии для характеристики феномена социального в контексте искусственности. В данном случае социальное трактуется исключительно как проявление социального, естественным основаниям (география, демография, история, способ производства) отводится вторичная роль. Именно поэтому социальное как искусственное может модернизироваться, трансформироваться и конструироваться.

Для конструктора имеет первоочередное значение создание фона, определение правил, формирование круга понимающих и посвященных. Социальный фон сознательно собирается и транслируется. Сегодня целесообразно говорить о создании фона в виде сети. Заинтересованные творцы, в зависимости от наличных материальных ресурсов и идеологических предпочтений, могут периодически его пересобирать. Первоначально на данном фоне различают смыслы те, кто вписан в сети. Остальные представляют массу потребителей, желающих дорасти до уровня приобщенных. По мере того как фоновые понятия и смыслы переходят в категорию общепринятых, масса включается

в процесс сотворчества. Объективная реальность обретает все качества субъективной реальности. Она может подвергаться сознательному переформатированию, если создаются условия для эмоциональной идентификации. Идентификаторы выполняют функцию ориентиров для социального конструктора. И наконец, последний этап формирования каркаса конструктора сводится к оформлению круга единомышленников. Данный круг определяет вероятностную структуру новой реальности и создает эстетическую основу идеологии, т.к. эстетические формы эмоциональны, пластичны и доходчивы. В области гуманитарного знания начинает доминировать «интерпретация» во всех ее видах. Эстетика же позволяет упаковать любую интерпретацию.

Новому средневековью «...нужна не реальная история, в которой бы люди с их проблемами и чаяниями находили себя. Такая история выглядит как ретроспекция и оправдание современности. Отсюда и современное увлечение контекстуально-средневековыми фэнтези» [8. С. 120]. Примером использования эстетики в качестве инструмента идеологического моделирования может служить комплекс проектов, который мы условно обозначим как «Окситанский конструктор». Мы рассмотрим его как один из многочисленных инструментов деконструкции социума. Данный конструктор раскрывается в разворачивании «каскада нарративов».

Плацдарм

Окситания – регион Южной Франции и Северо-Востока Испании. Прованс, Лангедок, Каталония, Тулуза, Королевство Арагон. Уже сами эти названия звучат поэтично. Этот регион, объединенный языком Ок, сложился как самобытный экономический, политический, исторический анклав культурного многообразия и толерантности. Он был с незапамятных времен полюсом притяжения народов, центром пересечения торговых путей, территорией столкновения армий. Финикийские и греческие колонисты, развитые племенные союзы кельтов, римские легионы, последующие вторжения готов, появление на этих берегах арабов и мавров сделали регион космополитическим по духу. Он позиционируется скорее как социум граждан, объединенных духовно, но не этнически. Кстати, ценностная идентичность представляется как основная для современной Европы. Именно поэтому образ «окситанской цивилизации» последовательно культивируется. В ней сплетается бесконечное число легенд, мифов, образов, которые последовательно актуализируются. Переиздаются произведения трубадуров Арагона и Лангедока, анализируется куртуазная ритуалистика, подчеркивается гендерная сбалансированность данного общества, популяризируются многообразные произ-

ведения искусства, записывается окситанская музыка и т.д. Методично проводится идея, что страна альбигойцев – это страна любви, добра, красоты и науки.

Окситания стала кодовым словом, брендом, товарным знаком, символом причастности, включенности, значимости и сакральности. Кроме того, помимо самых свободных фантазий и интерпретаций открывается простор для построения самых разных идеологий во взаимодействии с различными культурными пластами. Например, пускается в оборот идея связи альбигойского знания с тайными знаниями кельтов – друидов, которые укрылись в Пиренеях. Тем более нельзя не отметить, что кельтская тематика имеет самое широкое распространение и так же активно используется в идеологических построениях и в политических течениях Ирландии, Шотландии, Бретони и т.д.

Идеализация Окситании в современной Европе обретает вполне определенный идеологический смысл. Этот процесс имеет четкие антикатолические посылы, представляемые как антитрадиционные и антихристианские. Особое значение приобретает антигосударственная направленность, находящая свое воплощение, в частности, в каталонском сепаратизме. Кроме того, используется вполне политкорректный миф об альбигойском культе женщины, безусловно, имеющий мифологизированное наполнение. Окситания в современной идеологической интерпретации – это классический пример использования средневекового материала для решения вполне современных задач. К ним относится деконструкция устоявшейся модели национального государства, наступление на христианство, культивирование антитоталитарной (читай в окситанской версии «антицерковной») политики, гендерные демарши, интерпретация практики свободомыслия и при этом устремленность к гнозису (тайному знанию посвященных), который соответствует европейским традициям тайных союзов, обществ, клубов и партий. В этой связи мифологизация альбигойцев, их учения и организации представляет собой ключевой элемент окситанского конструктора. Характерный для современной Европы антитрадиционализм благодаря альбигойскому мифу получает ряд важнейших аргументов.

Окситанский конструктор складывается в поле регионального, политического сепаратизма (Каталония) и вечного стремления регионов к большим полномочиям, большим ресурсам. Тем более политический ландшафт современного Евросоюза предоставляет большие возможности для многочисленных спекуляций политических сил, эксплуатирующих тему сепаратизма и разворачивающих свою деятельность в сферах образования, культуры и искусства. Это касается, например, набирающих силу образовательных программ по сохранению местных языков.

Эти программы популярны у сторонников независимости таких областей, как Больцано-Боцен в Италии, Каталонии и страны Басков в Испании, Шотландии в Великобритании, Фландрии в Бельгии. Кстати, во всех регионах активно используется символика, геральдика, героика Средних веков. С политическими силами связаны исторические общества, клубы реконструкции, фольклорные коллективы. Местный язык становится одним из идентификационных маркеров, хотя носит коммуникативный смысл не для общения, а для самопозиционирования.

Конечно, в сепаратистских движениях комплекс идей и действий, которые мы условно обозначим как «окситанство», не играет значительной роли, оно лишь элемент большой игры. Так, каталонские сепаратисты исходят из того обстоятельства, что Каталония – самый развитый регион Испании. Он перечисляет Мадриду средств больше, чем получает, и находится в подчинении Кастилии. Однако при этом настойчиво культивируется идея, что Каталония принадлежит особому миру, который уже достигал расцвета экономики и культуры, но те или иные центральные силы (Франции или Испании) разрушили прекрасное, совершенное в своем роде общество. Оправдать самобытность помогает альбигойская мифология, дополненная детальной эстетической проработкой.

Из прошлого Окситании извлекается привлекательный образ средневекового города. К слову, Тулуза в XI–XII вв. была одним из крупнейших городов Европы. В ряде исследований проводится прямая аналогия с современным процветанием этого региона. Средневековая Окситания (Прованс, Арагон) представляется землей городов – этих центров предприимчивости, деловой активности, демократического самоуправления. Подчеркивается, что выбранные магистраты обладали влиянием, способным ограничивать власть сеньоров, которые, впрочем, были весьма благосклонны к местному самоуправлению. Раймунд VI, или Раймунд Роже де Фуа и др. покровительствовали деловым кругам. Они первыми в Европе подошли вплотную к осуществлению принципа, который в XVI в. реализовался в Аугсбургском соглашении: «Чья страна – того и вера». Можно констатировать факт, что графы Тулузы фактически оказались предвестниками Реформации, а Окситания – страной грядущего нового мира.

Конструктор

Окситанский конструктор включает в себя ряд элементов, позволяющих создать нужную комбинацию и придать вполне современный смысл средневековым символам, персонажам, ритуалам и образам. В качестве основы конструктора выступает *катарская ересь* о равносущности двух

начал добра и зла, имеющая манихейские истоки. Помимо этого, целый комплекс элементов используется по мере необходимости. Вот лишь некоторые из них.

Альбигойцы. Рыцари, наделенные качествами утонченности и доблести. Куртуазное и манерное общество. Трубадуры с их изысканной поэзией. Причем трубадур – не только поэтическая фигура, но и личность, культивирующая поиск нового (специалисты по окскому языку слово «трубадур» переводят как «находящий новое»). Трубадурики (женщины-поэты). Прекрасная Дама, рождающая чувство недосыгаемой любви. Служение рыцаря Прекрасной Даме. Любовь – по-окситански Донна. А есть еще окситанский язык, тулузский крест, черные плащи с капюшонами (ставшие атрибутом реконструкций фэнтези или современных субкультур, например, готов). Элементов гораздо больше, смысловое наполнение их неравнозначно, однако все они работоспособны. Замок Монсежур, чаша святого Грааля, Арагон, Мария Магдалина и др. вдохновляют на создание многочисленных произведений живописи, литературы, музыки и кино. Причем популяризация окситанской цивилизации вышла далеко за пределы родной территории. Достаточно вспомнить рок-оперу «Окситания» Маргариты Пушкиной и Сергея Скрипникова (2017). К катарской ереси мы вернемся ниже.

Дадим характеристики некоторым элементам конструктора.

Окситанский конструктор представляет *альбигойцев* как мировоззренческих антимонополистов, носителей протестантских взглядов, бросивших вызов католической церкви как самому богатому феодалу. Кстати, следует отметить, что проблему богатства папского престола поднимали и в рамках ортодоксального христианства. Проблема нищего монашества ставилась Франциском Ассизским. Доминиканцы включались в дискуссию о проблеме богатства церкви. Однако в пределах католицизма нищенствующие ордена так или иначе оказывались и не нищенствующими, и не нищими. Именно поэтому альбигойская «истина» преподносится как правильная [9. С. 42].

Альбигойцы в качестве политической силы достигли значительного мобилизационного потенциала. Покровительствующие инакомыслию сеньоры, как и современные сильные мира сего, исходили из собственных политических интересов. Они даже могли не быть альбигойцами (граф Раймунд Роже де Фуа был католиком). Впрочем, для средневековья подобное было вполне распространенным явлением, и не только в Европе. Так, Иван III в определенный период своего властвования с огромным интересом относился к идеям нестяжательства – хотя известно, что интерес был вызван необходимостью изъятия монастырских земель и создания мощной поместной системы – основы

сильной центральной власти. Окситанские сеньоры были так же вполне прагматичны, как Иван III и современные каталонские политики.

Альбигойцы представляются как одно из первых политических движений, которое опираясь на человека (конечно, в контексте средневековья), выступало с антитоталитарных позиций, т.е. отстаивало идеи антипапства и антиавторитаризма. Помимо этого, альбигойцев выставляют как носителей подлинной духовности, сторонников плюрализма мнений. Отсутствие монолитности альбигойских взглядов отмечается как сильная сторона. Их учение представляло собой комплекс течений и укладывалось в общее направление. При этом вполне допускались нюансы. Их диспуты, сатира, проповеди, по мнению наших современников, были призваны взломать католическую монополию на истину веру. Сегодня это тем более актуально, т.к. продолжается натиск на католический традиционализм и ценностные конфликты обретают особую остроту.

Часто отмечается независимость суждений, реализующаяся в культуре альбигойцев. *Трубадуры*, носители этой культуры, с их поисками нового, преподносятся как фигуры, сопоставимые по статусу со знатными феодалами в силу их признанности в окситанском обществе [10]. Сеньоры могли стоя приветствовать не знатного по происхождению, но популярного трубадура, что вызывало недоумение у папских прелатов, присутствующих при этом действе. Это тем более любопытно, что трубадуры были увлечены не только изящной словесностью, но и выступали в качестве политических памфлетистов. В частности, в альбигойском обществе естественно пользовались популярностью сатирические антицерковные сочинения, в которых изобличались разврат, алчность, лицемерие священников, пренебрежение их своими пасторскими обязанностями. Сатира поддерживала оправдание дешевой церкви. Альбигойское свободомыслие вполне подтягивается под пропагандируемую свободу слова.

Огромной популярностью пользовались идеи чтения проповедей на родном языке (предпротестантизм), а не на непонятной латыни. Открытые теологические диспуты представителей папы и альбигойцев вполне вписываются в контекст современной ценности свободы суждений. Отмечается, что они проходили при широком стечении горожан (купцы, рыцари, дамы, трубадуры) и напоминали современные шоу, увеселительные мероприятия. Во всяком случае, так их характеризуют те, кто использует окситанский конструктор.

Еще одним элементом окситанского конструктора, несомненно, является *женщина*. Средневековая дама вошла в культуру именно в образе Дамы Сердца – образе

чувственном, эротическом, но, как правило, недостижимом. Соединение идеального, идеализируемого и вполне телесного наполняет этот символ деятельной энергией. Ему служат ради живого, а не ради высшей сущности. Несомненно, у христианских ортодоксов такое томление вызывало нескрываемое раздражение. Женское в этом символе актуализируется и вполне вписывается в современные гендерные поиски. Альбигойская дама дополняется альбигойской *трубадуркой* – женщиной, высоким стилем обозначающая *женское*, хотя и в рамках куртуазного канона (любовь, воспоминания, желания, томление). Однако это все ее, личное. Помимо женского самосознания, впервые зафиксированного в тексте, популярным символом окситанского конструктора становится социальное положение женщины. Вполне современным выглядит ее имущественное состояние. Она, пусть и в средневековом контексте, но распоряжалась своим имуществом, обладала правом на наследство.

Положение женщины у альбигойцев осовременивается еще в ряде важных направлений. Прежде всего, это относится к вопросам брака и деторождения. Альбигойские представления по этим вопросам вписываются в современность. Ортодоксально-христианский взгляд на семью как важнейшее условие продолжения рода («плодитесь и размножайтесь») альбигойцами отвергалась. Они отвергали брак (созвучно современным антисемейным настроениям), полагали, что в браке нет необходимости, хотя и прибегали на практике к фиктивным брачным отношениям. Альбигойцы видели мир земной как мир зла. Рождение детей – это лишь умножение телесных оболочек, умножение искушений, страданий. Ортодоксы, зная их отрицательное отношение к семейным обязанностям, упрекали их во влечении к содомии. Ссылка на альбигойские установки делает их вполне политкорректными для современной Европы: антитрадиционные, антисемейные, чайлдфри, ЛГБТ-представления средневековья актуализируются, артикулируются и эстетизируются.

Интерпретация

Культурную интерпретацию можно объяснить как стремление разработать и полноценно использовать коммуникационный код. Этот код наполняется содержанием и создает условия для смыслообразования. Содержание задает направления интерпретациям и создает все условия эстетических поисков. Эстетика обретает идеологический смысл. Разделяемый эстетический образ начинает собирать сторонников, кристаллизовать представления. Самое главное, эстетика создает форму практически в аристотелевском духе. Из материи ожиданий, желаний, стремлений и потенциалов эстетическая форма создает некую завершенность и понят-

ность, точку опоры, точку отсчета, фундамент мировоззрения, если угодно. Вариаций множество, но увеличивающееся число и есть искоемое. Код — это своеобразный ящик Пандоры.

Окситанский конструктор собирает из деятельности и взглядов «посвященных» гностиков, саркастичных трубадуров, куртуазных рыцарей, благородных дам необходимые для современного потребителя впечатления. Людей часто увлекает тема особенности, необычности и тем более тайного знания (гнозиса) и посвященности. Игра, скрытый смысл и, самое главное, чувство приобщенности к чему-то важному — вот что всегда завораживает, притягивает и становится основой творческих поисков. Это характерно для произведений как массового, так и высокого искусства.

Возьмем для примера две известные и совсем не равнозначные по художественной ценности книги: «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова и «Код да Винчи» Дэна Брауна. Обе книги написаны в переломные для мировоззрения периоды, обращены к одной из важнейших проблем средневековья и в то же время к основополагающей проблеме современности — проблеме «иноного мира». «Иной мир» не приемлет канонических христианских истин и норм. Для средневековья это мир сатаны. Следует отметить, что указанные писатели подходят к нему с разных сторон. На позиции Брауна остановимся ниже. М.А. Булгаков описывает «иной мир» как мир неопределенности, где путаются социальные роли («Дьяволиада»), где правилом становится вторжение в естественный ход вещей («Роковые яйца», «Собачье сердце»), где рушится порядок и оставленное добром место занимает зло («Мастер и Маргарита»).

Пойдем по порядку. Один из персонажей романа М.А. Булгакова, Коровьев (регент и переводчик при знатном иностранце, шут, кривляка, фигляр) имеет критический настрой мысли и действий. Он устраивает жестокие розыгрыши и паясничает на сцене. В его шутовстве содержится изобличающий подтекст. Его действия провоцируют других на поступки, раскрывающие их пороки: лень и распутство (Лиходеев), алчность (москвичи во время представления в варьете), самодовольство (разговор Берлиоза и Бездомного на Патриарших прудах), чванливое корыстолюбие (пожар в ресторане Массолита) и т.д. Коровьев — шут-провокация. Коровьев — разоблачитель пороков. Однако Булгаков делает этот персонаж парадным в момент бала Воланда. Коровьев предстает как носитель важнейшей миссии — сопроводителя царицы бала. Он успевает характеризовать гостей, любезно давать советы Маргарите и ограждать ее от возможных недоразумений.

По ходу романа отмечаем острое слово Коровьева, точные характеристики и замечания которого позволяют нам судить о его уме и прозорливости. Кто же он? Все ставит на

свои места сцена, когда вся свита Воланда оказывается под лунным светом и перед нами предстает темно-фиолетовый рыцарь Фагот с вечно мрачным лицом. Как говорит Воланд, Фагот обречен вечно шутить за неудачный каламбур по поводу света и тьмы. Свет и тьма, мир добра и мир зла — фундаментальные положения теологии альбигойцев, на которых мы подробно остановимся ниже. И если еще глубже уходить в культурно-исторический контекст, то в филологических исследованиях предлагаются смелые аналогии. Так, Фагот сравнивается с трубадуром Гильемом Тудельским, автором «Песни об Альбигойском крестовом походе», который возрадовался гибели Симона де Монфора — погубителя альбигойцев. И так, Коровьев-Фагот предстает как вполне целостная, хотя и составленная из альбигойских пазлов фигура: шут (проницательность) — трубадур (знание) — рыцарь (долг). Тот, кто видит, знает, служит.

«Вряд ли бы теперь узнали Коровьева-Фагота, самозванного переводчика при таинственном и не нуждающемся ни в каких переводах консультанте... На месте того, кто в драной цирковой одежде покинул Воробьевы горы под именем Коровьева-Фагота, теперь скакал, тихо звеня золотой цепью повода, темно-фиолетовый рыцарь с мрачнейшим и никогда не улыбающимся лицом. Он уперся подбородком в грудь, он не глядел на луну, он не интересовался землею под собою, он думал о чем-то своем, летя рядом с Воландом» [11. С. 406].

Кстати, М.А. Булгаков, наверное, вкладывал глубочайший смысл в то, что фиолетовый рыцарь, Коровьев-Фагот в конечном итоге оказывается не среди сопровождающих Бога, а в свите Воланда, на вечном ему служении.

Примеров, образно выражаясь, альбигойского вдохновения более чем достаточно. Приведем еще один. Роман «Мастер и Маргарита» вызывает эффект ящика Пандоры, когда один элемент рождает следующий, один фактор инициирует целый пучок смыслов, действий, идей, интерпретаций.

«Да и самой родословной Коровьева не чужда, так сказать, «пастушеская» линия: «козлиный голос», которым его неспроста наделяет Булгаков, и мандельштамовские «козел регент» и «козлоногий ферт» недвусмысленно указывают на его родство с Паном-Фавном — древнегреческим богом стад, пастбищ и пастухов, сыном Гермеса, изображаемым мужчиной с «козлиными ушами». В «Четвертой прозе» он сам дает нам «наводку», говоря: «Моя кровь, отягощенная наследством овцеводов <...> бунтует против вороватой цыганщины писательства». Если же приплюсовать к сказанному о пастушестве еще и звание «старого регента-певуна», музыкальную символику имени «Фагот», явно «варьетевский», концертно-зрелищный круг, в котором вращается Коровьев в романе, то самым что ни на есть мистическим образом наш Коровьев-Фагот, он же Пан-Фавн, обратится еще и в Аполлона-Феба (кстати, все три имени двойные, причем со вторым, начинающимся все на то же «Ф») — т.е. в «древнегреческое

божество, покровителя пастухов, покровителя поэзии и музыки, а позднее — очищающего и исцеляющего бога», что тоже некоторым образом подтверждается в романе характером деятельности Коровьева, очищающего мир от скверны путем сжигания старого во имя нового» [12].

И еще. На аргю слово *fagot* означает тюремную робу, и в этом смысле

«клетчатый кургузый пиджачок» Коровьева в точности соответствует этому термину, поскольку именно в нем граф Тулузский отбывает свой срок среди других членов свиты князя тьмы. Но также следует помнить, что *fae-goth* означает «свет готов», и что «болтовня», которой занимается бывший регент, а также, скажем откровенно, создатель этого персонажа, не что иное, как мяуканье кота, *cata-oga*, язык катаров, персонифицированный в виде Бегемота, неизменного спутника Коровьева, он же *langue féline*, т.е. фелибр, язык влюбленных рыцарей, *chevalerie amoureuse*, от *amaugosa* — «слепец», катаракта Прованса, бельмо на глазу Ватикана — *albus*, Альбигойя...» [13].

Пример Фагота-альбигойца демонстрирует не только эстетический образ. Он включает целую череду ребусов, загадок, шифров, погружаясь в которые, читатель незаметно для себя втягивается в очаровывающий контекст. Он начинает мыслить в предложенных понятиях и не только. Он пропитывается «позитивным» смыслом. Фагот, Бегемот, Катар, фиолетовый рыцарь — тайна, сила, справедливость — манихейство, гнозис, альбигойская ересь и др. Все эти слова и термины становятся равнопорядковыми, равносущностными и легко используемыми для построения определенной доктрины, в нашем случае — антитрадиционной.

Окситанский конструктор прекрасно работает и в области массовой культуры. «Код да Винчи» Дэна Брауна тому великолепное подтверждение. Та же тематика, грубовато слепленная, замешенная на детективном сюжете. Здесь цель — не читатель-интеллектуал, но массовый читатель, который переварит текст за две-три поездки в метро. Однако эти два произведения, конечно, взятые условно, удивительно эстетически созвучны, хотя подходят к иному миру с диаметрально противоположных позиций. «Код да Винчи» однозначен и прямолинеен. В нем эксплуатируется «тайна», построенная на знании просвещенных, — криптография, шифры, тайные знаки. Альбигойская (окситанская) тематика присутствует символическим фоном, она связана с теологическими диспутами в Тулузе, с мифами о том, что в Провансе спрятана Чаша Грааля, а Мария Магдалина — не только верная ученица и последовательница Христа, но и его супруга, родившая детей, от которых произошли будущие правители европейских домов (Меровинги

и Габсбурги). Игра в конструирование нового средневековья активизировалась в первой трети XX в. Выше указывалось на мировоззренческую обусловленность этого действия. Можно упомянуть творчество писателя-гностика Отто Рана, направленное на познание, понимание и популяризацию учения и нравов «детей истинного Бога» — катаров [14]. При этом нельзя игнорировать тот факт, что гностические изыски всегда становятся объектом пристального внимания центров власти. Работа конструктора должна лишь сохранять видимость самостоятельности и спонтанности. Не случайно Отто Ран был довольно быстро вовлечен в деятельность влиятельной организации — Аненербе. И, судя по всему, не случайна его загадочная смерть после того, как он прикоснулся к «киному миру» и попытался отдалиться от национал-социализма.

Браун также обращается к «иному миру». Однако он фиксирует его атрибуты как мира истинного, на данный момент подавленного и скрытного, но время торжества которого уже близко. Если для Булгакова иной мир откровенно антихристианский, то Браун говорит о «подлинном» христианстве, что на проверку оказывается лишь гримасой великого учения. Впрочем, следует помнить, что дьявол всегда искривляет творение Божье. Кривляние — это и есть его проявление. Божественное всегда открыто. Дьявол свою суть скрывает. Она спрятана в шифрах, ребусах, тайных знаках. И только недалекий современник может этим очаровываться. Он, как мотылек, летящий на огонь, торопится к своей гибели, легко расставаясь с самым ценным — с бессмертной душой. При этом он не заключает ритуальной сделки с князем мира сего, он просто и обыденно теряет человечность, пускаясь в постмодернистскую игру.

Я ни в коем случае не собираюсь притягивать спекуляции по поводу Марии Магдалины к учению альбигойцев. Для них Христос, Дева Мария и другие персонажи Нового Завета не имели ни человеческой, ни божественной природы. Они — ангелы, поскольку альбигойцы исходили из принципа докетизма. По их мнению, Христос осуществил иллюзию очеловечивания; не было реального распятия, не было воскресения и вообще не будет телесного воскресения. Однако не следует отбрасывать огромное число спекуляций по поводу отношений Христа и Магдалины. Конструктор заработал. Тем более что, во-первых, единой альбигойской доктрины не было. Их учения представляли собой комплекс учений, течений, сообществ. Во-вторых, огромное количество известных современных текстов было уничтожено или изъято в ходе альбигойских крестовых походов. В-третьих, суть альбигойства состоит именно в приверженности гнозису (тайному знанию посвященных). Все эти обстоятельства создают условия для много-

численных спекуляций. И достаточно лишь запустить такие элементы конструктора, как Прованс, Тулуза, Магдалина (не только как спутница Христа, но и вполне окситанская дама), Святой Грааль – и миф начинает жить своей жизнью. При этом мы трактуем миф в его естественном значении: миф как дряхлеющее прошлое, как вчера, продолжающееся сегодня.

Здесь актуализируется легенда о том, как на Юге Франции нашла себе прибежище Мария Магдалина. Она принесла с собой Святой Грааль, который был укрыт в альбигойской крепости Монсегюр. Мария Магдалина толкуется гностиками как единственно верная и последовательная ученица Христа. Ее образ активно популяризировался в европейской культуре (например, картина «Мария Магдалина с Чашей» художника Яна Госсарта).

Дэн Браун запускает в оборот вполне маскультовские, продаваемые образы – пусть грубое, но все же вполне определенное воплощение элементов того же конструктора, задача которого переформатировать реальность. Браун исходит из антитрадиционных, антицерковных установок. Итак, Мария Магдалина – верная ученица и жена, мать детей Христа. Существует его прямое потомство, которое основало известные королевские династии, и представители Христового рода живы по сей день и оказывают благотворное влияние на жизнь Европы. Сохранив дух христианства, Мария служит главным основанием и обоснованием реформы церкви, она должна стать женой по своей сути, т.е. отойти от однозначного мужского доминирования. Именно поэтому, по версии Дэна Брауна, маскулинная по своей сути католическая церковь создает организацию «Опус Деи» призванную сохранять статус-кво и убирать всех сторонников света, добра, верных «детей» и «последователей» Марии Магдалины. К слову, в памяти читателя, хотя бы приблизительно знакомого с историей средневековья, сразу всплывают мрачные организации святой католической церкви – инквизиция, орден иезуитов, жестокие, стремящиеся к безусловному доминированию рыцарские ордена. Итак, сухой остаток: церковь должна быть реформирована, ибо она, по сути, тоталитарна, она боится иных точек зрения, следовательно, она боится истины. Только прямые потомки истинной ученицы совершают благородную работу по ее преображению. Вот такой настрой создает книга, а затем и фильм. Высокомерные отзывы критиков, читателей, зрителей не имеют никакого значения. Конструктор работает, причем сам по себе. Клише, необходимые для переформатирования традиционного сознания, получили очередной импульс. Поэтому стоит ли удивляться появлению женщин-епископов (правда, пока в англиканской церкви) и признанию римским Папой союза мужчины и мужчины в качестве возможного.

Параллели деконструкции

Рассуждая об эстетических образах, которые методично меняют восприятие роли важнейших институтов, норм, традиций, не следует забывать о ключевых положениях альбигойской (катарской) ереси, которые остаются в стороне от увлекательного окситанского конструирования. Однако выше отмечалось, что катарская ересь служит основой окситанского конструктора. Даже беглый обзор катарских элементов побуждает вольно или невольно очарованных окситанским проектом потребителей использовать для идеологических построений сложившийся и вполне эстетически оформленный неоальбигойский антитрадиционализм.

В общих чертах суть ученья катаров не столь безобидна. Прежде всего это касается дуализма. Придерживаясь манихейских установок и признавая равносущность света и тьмы, добра и зла, Бога и дьявола, альбигойцы фактически призвали отойти от идей монотеизма, отказались от возможности достижения царствия Божия. Здесь нет перспективы духовного преображения, здесь нет осознания собственного несовершенства (греховности). Здесь все уже понято и все достигнуто. Посвященные даже не предполагают возможности собственного греха.

Диспуты альбигойцев превращаются в изысканную игру ума, которая через несколько столетий вырождается в салонное острословие, сводимое к фразе: «Ваше Величество, я доказал Вам, что Бог есть. Дайте мне пять минут, и я докажу Вам обратное». Чего стоит кодекс чести альбигойцев: «Клянись и лжесвидетельствуй, но не раскрывай тайны». Гностицизм посвященных создает очередной вариант социальной дифференциации [9. С. 48–50]. Знание не для всех, при всей его внешней привлекательности, создает очередную версию гордыни, в частности, в презрении ко всем окружающим. Это впоследствии нашло воплощение в экстремизме «новых катаров», в идее избранничества, охватившей протестантов. Гностицизму альбигойцев чужды идеалы просвещения, т.е. знание для всех.

Гендерные эксперименты питают опасные сегодня течения радикального феминизма, наступление на институт семьи, поддержку поисков очередного пола, однополых браков, ювенальной инквизиции (ведь ребенок – телесная оболочка греха или актуальный трансформер).

Отвергание таинств (будущий протестантизм) – это фактически отказ от символического наполнения веры. Исключительная ориентация на практичность и разумность постепенно превращает веру в технологию, в семинар по повышению самомотивации. Катарская ересь может породить острословие и куртуазность, но не даст шанса преображению. А отважное принятие смерти альбигойцами не должно вводить в заблуждение. Сектанты частенько

сводили счеты с жизнью. Признание Ветхого Завета творением дьявола также способствует восприятию священной истории не в ее целостности, противоречивости, полноте, но создает все условия для ее комбинирования и интерпретации.

Альбигойское неприятие телесности (тело тянется к дьяволу), вызывающее крах торжествующей сегодня чувственности, также современно. Человек перестал любить свое тело. Он его строит, делает, татуирует, конструирует, разве что пока генетически не модифицирует. Впрочем, ставший в последнее время популярным трансгуманизм допускает и подобные операции. Тем более грандиозные возможности открывает цифровизация. Стремление освободить человеческий дух, страсть к деконструкции ведут не к преобразению, а к расчеловечиванию.

Альбигойцы преподносятся как последовательные деконструкторы современных им ценностей и институтов. Именно поэтому их взгляды сегодня обретают очередной всплеск популярности, и именно поэтому окситанский конструктор будет продолжать работу. Окситанский (альбигойский) конструктор, выполняющий функцию деконструкции наличного бытия, вполне вписался в постмодернистский тренд.

Деконструкция может быть воспринята как тождественная постмодернистской философии интеллектуальная операция. Остановимся на некоторых ключевых моментах. Прежде всего, осуществляется последовательное наступление на логоцентризм, поскольку именно он предполагает структурирование мысли вокруг центрального элемента — Бога. Лого-центризм, обусловленный формально-логическими и диалектическими бинарными оппозициями, создает принцип иерархичного мышления. В бинарной оппозиции доминирует одна из сторон (добро и зло, разум и эмоции и др.). Деконструкция исходит из уравнивания двух компонентов (катарская мысль о равносущности добра и зла, света и тьмы) и нарушения иерархии.

Альбигойская деконструкция становится инструментом разбора на составные части, целью которого провозглашается стремление показать, как это устроено. Одна из причин успешных диспутов катаров с папскими прелатами заключается в том, что, разлагая учение и даже веру на элементы, выходя из целого, получаешь значительно больше аргументов — потому что можно акцентировать внимание на мелочах и гипертрофировать их. Условно: церковь не обладает святостью, т.к. священнослужители корыстолюбивы. Церковь отделяется от понятия «тело Христово», а затем разбирается исключительно как социальный институт. Священников критикуют как обычных людей, а папу — как обычного феодала. Целостность же

может восприниматься (осмысливаться и чувствоваться) только во всей полноте.

Деконструкция (Ж. Деррида) [15] выявляет противоречия между логикой и смыслом, между означающим и означаемым. Разумеется, для деконструкции Дерриды главное значение имеет не итоговая картина, а процесс. Затвердевший язык-посредник он стремится разбить многочисленными трещинами. Деррида, как и альбигойцы, смещает фокус с явного содержания на язык-посредник, акцентируя внимание на деталях. Фактически в диспуте, тексте выходят на первый план маргиналии (заметки на костях). В окситанском конструкторе это детали, фразы, реплики, шутовские репризы, разрушающие смысл, суть. Собственно, к этому они и призывали. Особенно важным становится понимание роли языка, который начинает действовать самостоятельно.

Я ни в коем случае не предполагаю отождествление постмодернизма и учения катаров. Это разные эпохи, разные культурные контексты. Однако и в постмодернистском, и в альбигойском варианте несомненна антицелостная направленность рассуждений. Раздвоенность представляется как единственно возможный вариант существования.

«Настоящее создается благодаря тому самому отношению, которое не существует, причем некоторым абсолютным образом: это значит, что прошлое и будущее не рассматриваются здесь как модифицированное настоящее. Для того чтобы нечто существовало, оно должно отделяться от несуществующего неким интервалом; интервал, конституируемый в настоящем, должен, тем самым, разделять, дробить само настоящее, разделяя и уничтожая вместе с настоящим все то, что может быть постигнуто на его основании, разделяя, тем самым, любую форму бытия (в частности, субстанцию и субъекта, если выражаться метафизическим языком)» [16. С. 139].

Попытаемся отметить несколько позиций катарской деконструкции. Полагаю, что их деконструктивный посыл (естественно, со значительными оговорками, без претензии на полную адекватность средневековой, но с использованием самых разных элементов окситанского конструктора) активно присутствует в качестве исторической предпосылки антитрадиционности как таковой. Постмодернистский и альбигойский (читай: позже — гуманистический, позже — протестантский, еще позже — революционный и т.д.) анти-традиционализм созвучны. Можно даже употребить понятие *катарский (манихейский) камертон*, который помогает настроиться на волну деконструкции.

Во-первых, это четкое представление о греховности, дьявольской наполненности актуального современного мира. Для постмодернистов любой вариант устойчивости обуславливает подчинение и подавление. Нормативная предопределенность, институциональная упорядоченность обеспечивает просто очередной вариант доминирования.

Уйти от устойчивости альбигойцам помогает отрицание материального мира, а постмодернистам – введение плодотворного понятия. Так, Ж. Деррида вводит *Differance* – понятие, помогающее избежать любого варианта устойчивости, стабильности (для Дерриды они созвучны окостенению и подавлению). *Differance* продуцирует непрерывное движение, текучесть. *Differance* «есть не просто некое активное начало (тем более оно не является некоторым субъективным конструктом), обозначая средний голос, оно устанавливает оппозицию между пассивностью и активностью... *Differance* может быть отнесено к тому, что на классическом языке можно назвать источником различий, процессом их производства, различиями между различиями, игрой различий» [16. С. 124–125].

Любая форма есть неизбежное движение к материальному, телесному. Телесная (материальная) оболочка греховна по своей сути. Ибо все соблазны, искушения и реальные отступления от светлого – побуждение мира земного. Мир материальный не может быть постоянно текучим. Напротив, для него естественно стремление к устойчивости и порядку. Отвержение греховного мира альбигойцами естественно приводит их к мысли об отвержении всего символического нормативного ряда, который наполнен смыслодержанием. Именно поэтому альбигойцы отвергают смыслообразующую символику христиан: прежде всего это крест, хлеб и вино (тело и кровь Иисуса Христа), крещение водой. Символика не просто упорядочивает, она наполняет смыслом жизнь христианина. Иными словами, она представляет стремление жить – а значит, нести свой крест, быть готовым принять страдания и верить в воскрешение (перерождение) и в спасение. Тело и кровь Господа есть символы, но в то же время необходимое условие для причастия, т.е. вполне реального действия.

Одним словом, хочешь убить дух – материализуй символ. Толкуй крест как орудие убийства, в хлебе призывай увидеть не символическое, а реальное тело Христа, а в воде крещения призывай видеть только воду. Представь церковь и ее таинства как сосредоточение нечестивой материи. Материализовав символ, ты можешь с полным основанием деконструировать его искусственность, далекую от духовного наполнения. Итак, технология проста: материализуй символ, в материальном объекте обозначь противоречия и несовершенства, объяви его полным греха и отвергни. Фундаментальным здесь является то, что греховным признается все устойчивое. Вывод, который напрашивается сам собой – любое наличное материальное может подвергнуться деконструкции, деформации и уничтожению. Оно не ценно. Помимо того, что не ценны постулаты Символа веры как фактора, вносящего в мир определен-

ность, не ценна и мораль, ибо она, подобно религии, делает мир стабильным. Альбигойцы легко брали клятвы и легко через них переступали. Альбигойская деконструкция подобна камертону для *differance*. «...*differance* не есть, не существует и не является ни одной из форм бытия-настоящим. Следует, поэтому, обратить особое внимание на то, что не есть и что, соответственно, не имеет ни существования, ни сущности, на то, что не принадлежит ни категории бытия, ни присутствующего, ни отсутствующего...» [16. С. 29].

Во-вторых, для альбигойцев нет концепции социального порядка, который имеет Божественную природу. В частности это выразилось в резко отрицательном отношении к Ветхому Завету. Альбигойцы однозначно провозгласили его, за исключением нескольких книг, книгой дьявола. Ветхий Завет наполнен жестокими казнями, на беглый взгляд бессмысленными страданиями и нелогичными, с точки зрения человека современного, смертями. Однако, отказывая в божественности Ветхому Завету, альбигойцы отказывали в праве существовать природному и естественному миру, полному страстей, противоречий, заблуждений, и в то же время стремлению к постижению промысла Всевышнего (подобно Иосии, который обрел вновь истину Божию, приступив к благородному делу – наведению порядка в храме). Ветхий Завет нельзя открывать для себя исключительно с позиции жестокосердного Бога. Ветхий Завет следует читать с позиции человека и общества, которые пытаются обрести закон и жить в соответствии с ним. Все отступления от закона если не караются моментально, то неизбежно ведут к катастрофе, к смерти личности. А что касается народа, то игнорирование закона обеспечит ему пленение и рабство, гибель государства, скатывание к невыносимому социальному порядку (лихоимство в отношении к согражданам, нарушение мер и весов, унижение вдов и сирот, клятвopеступление в суде, ничем не ограниченный ссудный процент и т.д.). Ветхозаветное правило предполагает, что несправедливый порядок не может быть отменен, не может быть заменен неопределенностью. Единственно возможным остается следование закону, данному Богом. Человек не может существовать в неупорядоченном мире.

Однако альбигойская мудрость предлагает двойственность бытия и расщепление целого, а постмодернистский *differance* актуализирует не только и не столько социальную, но прежде всего мировоззренческую нестабильность. Это и есть искомое. Единственно возможной точкой мировоззренческой стабильности становится гностическая мудрость посвященных. То, что определяется здесь как *differance*,

«...не есть нечто теологическое, даже в самом негативном смысле негативной теологии. Последняя, как известно, имеет дело с анализом некоторой сверхсущностной реальности, выходящей за пределы категорий сущности

и существования, то есть, присутствия. Постоянным рефреном негативной теологии является напоминание о том, что даже если предикат Бога и отрицается, его непременно следует признавать, как высшую, невоспринимаемую и непознаваемую форму бытия... *Differance* не просто не сводима к некоторому онтологическому или теологическому — или онто-теологическому образованию: напротив, *differance* как бы обнаруживает то самое пространство, в котором онто-теология — философия продуцирует свои системы и свою историю. *Differance*, таким образом, включает в себя и превышает, причем необратимо, онто-теологию или философию» [16. С. 130].

В-третьих, альбигойское восприятие себя во времени имеет выход на современную деконструкцию. Альбигойцы не признают предопределенности, поскольку не признают первородного греха. Человек не свободен от телесности (читай: материальности, моральности, определенности, ответственности). Однако на нем нет печати первородной ответственности. В нашем случае он свободен от причинности.

Утилитарный человек, естественно, не может уместить в сознании проблему первородного греха. В обычных рассуждениях все сводится к недопустимости нести ответственность за не совершенное лично. Полагаем, вопрос следует рассматривать не в утилитарной плоскости, а в контексте причинности. Ветхий Завет отрицается не только по причине «злых» действий Бога, не только потому, что давал жестокие директивы организации времени, пространства, деятельности, но и в силу провозглашения мира предопределенным, детерминированным. Детерминация — та же материальная обусловленность. Прошлое есть, оно определено, определено, определяет, и отменить его невозможно.

Альбигойцы стремились выйти из данной определенности. По мере осознания небесного происхождения можно освободиться от злого мира, можно войти в круг посвященных и, исходя из идеального проекта Нового Завета, преодолев ветхозаветную обусловленность, войти в будущее. Прошлого нет. Будущее зависит от нашего приближения к свету. Для альбигойцев имел смысл выход из конкретной определенности. Для постмодернистов любая определенность требует непрерывного преодоления и выхода. Следует говорить лишь о результате, который не имеет причины. Причем сам результат преходящ и как таковой не имеет статуса результата.

«*Differance* есть то, что делает движение означения возможным только в случае, если каждый элемент, рассматриваемый как «существующий», возникающий на сцене присутствия, соотношен с чем-то иным, отличающимся от него, но сохраняет при этом знак уже прошедшего и одновременно остается открытым знаком своих взаимоотношений с грядущим. Этот след меньше относится к тому, что называется будущим, нежели к тому, что именуется прошлым: такое двойное отношение конституирует то, что называется настоящим» [16. С. 139].

Целью альбигойского дуализма является освобождение Бога Любви, Бога Света от ответственности за происходящее зло. Однако здесь и содержится одна из главных опасностей их учения, и в аналогии с ним — постмодернистского мировоззрения. Уходя от причинности, от зла, можно (да это, собственно, и есть желанное) уйти от ответственности. Мир не принимается во всей его противоречивости и полноте. Любая устойчивость лишь сумма конфликтных зон. Вечное становление, жизнь в неопределенности открывают огромные перспективы для манипуляции. Поэтому складывается практика, в которой «мы, т.е. те, кто населяет язык и систему мысли — подвергаем вопрошанию те пределы, которые всегда стесняли нас, то, что постоянно ограничивало нас формой смысла бытия как присутствия или отсутствия, отраженной в категории бытия или бытийственности» [16. С. 135].

И наконец, в-четвертых, «любая экспозиция здесь явилась бы экспозицией исчезающего как исчезновения. Отваживаясь на проявление, *differance*, тем самым, обрекает себя на исчезновение» [16. С. 129].

Вообще видимый мир — это небытие. Лишь вечное становление имеет значение. Не просто устойчивость сама по себе, само обнаружение неизбежно ведет к исчезновению. Возникает невольная аналогия с чем-то нечистым, темным (при всех разговорах о добре и свете), что неизбежно исчезнет под лучами утреннего солнца. Самоэкспозиция опасна — она призвана не только показать действующего, но и представить его в той или иной определенности. Экспозиция предоставляет возможность совершить с ней ту же операцию, которую стремятся осуществить все, кто использует деконструкцию: обозначить материальное и через многочисленные маргиналии и трещинки разрушить его. Через экспозицию сам становишься носителем саморазрушения. Поэтому если знание, то тайное, если лидеры, то посвященные, а если правила и нормы, то не может быть никаких обязательств и предопределенностей.

Игра

В качестве одного из многочисленных примеров вернемся к герою М.А. Булгакова. Большое значение имеет не Коровьев как персонаж, а Коровьев как ребус, как шифр, который читатель хочет раскрывать, снимая слой за слоем, превращая фигляра в смыслотворца. Главным становится желание увидеть второе, а то и третье дно. Желание играть в игру как девиз тех, для кого «Мастер и Маргарита» становится культовым произведением.

Помимо этого, желание играть (шифровать и расшифровывать) погружает в средневековую стилистику. Даже играя в средневековье, попадаешь в контекст не только

слов, но и действий, имеющих определенную последовательность. Эта последовательность раскрытия и переформатирования смысла проявляется в расшифровке любого артефакта Средних веков, будь то басня или герб (от себя добавим: игра, цвет, ритуал и др.). Любой артефакт наделен многослойными смыслами и становится важным элементом формирования касты посвященных.

«Фактически басня, подобно гербу, структурирована по принципу наложения планов, которые прочитываются поочередно. Заднему плану соответствует исходник, как правило, кризисная ситуация, на которой завязана дальнейшая история. Средний план занят более или менее продолжительными событиями, которые трансформируют исходную ситуацию; это та самая “комедия в сто актов”, где чередуются повествовательные части и речи. Затем, на переднем плане, представлена финальная ситуация – результат нового расклада сил. Но на этом басня-герб не заканчивается: “поверх всего”, составляя самый близкий к зрителю план, в конце перед нами предстает мораль, настоящая душа эмблемы, телом которой является повествование....» [17. С. 338].

Читатель становится соучастником действия, которое увлекает своим игровым контекстом. Кроме того, читатель обретает статус приобщенного и знающего. Он член клуба, он говорит с со-читателями на понятном только им языке. Они посвященные. Игра, тайна, приобщенность – важнейший элемент окситанского конструктора. Причем креативное соучастие позволяет включиться в самый главный процесс – процесс переформатирования смысла, когда на переднем плане опознается подлинное (мораль). Включившись в переформатирование, не стоит полагать, что читатель в состоянии что-то сделать лично сам. На самом деле переформатирование задано извне. Это тенденция, тренд его представления, а не воля читателя. Это некий «средний голос» (Ж. Деррида), который управляет конструктором.

Постоянно работая, конструктор переформатирует основные образы. Но при этом, если оставаться на позициях критического анализа, можно выявлять двоякость и даже троякость переформатируемых образов. Включаясь в игру обнаружения смыслов уже в позднее средневековье, особенно в период, подходящий плотно к Реформации, читатель с удовлетворением для себя снимает видимое и входит в скрытое, а иногда и тайное. Во всяком случае, ему так видится. Воображаемое становится отражением реальности, моделью для нее. Включаясь в игру по снятию и смене смыслов, читатель неизбежно подталкивается к принятым сменам позиций, которые задаются не им, а «средним голосом».

Данное состояние касается не только самих средневековых произведений, но и произведений по поводу средневековья, на материале средневековья. Мишель

Пастуро по поводу стихотворения Жерара де Нерваль “El Desdichado” отметил следующие важные для нашего исследования моменты: «Каждый читатель, со своей индивидуальностью, своей культурой своим характером, своими устремлениями выбирает тот или иной уровень считывания смысла. “El Desdichado”, стихотворение, в которое Нерваль сознательно заложил несколько смысловых условий... Меня интересует не значение, а исключительно источники» [17. С. 341].

Так, в результате нескольких интеллектуальных операций, еретик, отступник от веры превращается в вольнодумца, свободолобца. И при этом уже отгоняются любые мысли о том, что еретик может быть сектантом, садистом и убийцей. Та же манипуляция с трубадуром делает его из певца прекрасного, в интеллектуала, искателя, острумца, и при этом не допускается, что он может исказить смыслы, смещать фокусы, издеваться над святыми чувствами. Опуская первый вариант Преображения, когда рыцарь превращается в куртуазного, благородного кавалера, а придворная дама в даму сердца, сознательно игнорируют возможность еще одного преобразования, в результате которого рыцарь может предстать чванливым субъектом, кичащимся тем, что выше и значительнее простолудинов, поскольку не плюется за столом, а благородная дама предстанет как фригидная дура. Но средний голос очень избирателен в своих предпочтениях. Он акцентирует внимание на вольнодумце – свободолобце – рыцаре – даме сердца, но не на безбожнике – извратителе смысла – высокомерном типе – хладнокровной дура.

Помимо многочисленных вариаций со смыслами, конструктор включает вариации – лучше высказаться по поводу темы. В воронку рассуждений втягиваются новые культурные пласты. Античность, например. Хотя это в духе средневековой традиции. Так, брито-романский вождь Артур, борющийся с пиктами и германскими племенами, постепенно превращается в настоящую историческую фигуру, которая воспринимается не только в Англии, но к XII в. уже и в континентальной Европе. Артура, позднеантичного персонажа, начинают воспринимать как династического предка. Или образ Паламеда двоюродного брата Менелая, который становится героем средневековых сказаний.

Идет игра на включение персонажей. И, самое главное, они чудесным образом переплетаются и обретают вполне органичное единство, хотя и на основе полномасштабной компиляции. Так повествования о короле Артуре становятся полномасштабными компиляциями. В них пересказывается легенда о короле Артуре и его соратниках, развивается христианская тематика, связанная с Граалем, затем в составленный таким образом миф втягиваются две другие легенды: легенда о Мерлине и о Тристане и Изольде.

Непрерывное добавление персонажей и сложение линий вполне современно. Однако средневековые все же выгодно отличались от современности своим стремлением к морали, итогу, целостности.

В наше время это постоянно движущийся конструктор, а произведение искусства построено по принципу нон-селекции. Например, «Игры престолов». Одна из существенных черт конструктора — элементы могут добавляться (герои, истории, сюжетные линии) и неплохо сосуществовать. Любой автор, как проявление «среднего голоса», как глашатай в состоянии озвучить любую вариацию и любую интерпретацию.

«Средний голос», реализуясь посредством окситанского конструктора, является главным творцом возникающего пространства толкований — состояние, которое М. Фуко характеризовал в тренде необходимости «перевернуть Левиафана». В этом случае индивид — не инстанция, на которую воздействует власть, наоборот, индивид — эффект власти. «Индивиды находятся в положении тех, кто испыты-

тывает на себе власть, и тех, кто ее практикует» [18. С. 48]. Власть (М. Фуко), как и «средний голос» (Ж. Деррида), функционирует на капиллярном уровне. Капиллярная власть имеет сильное горизонтальное измерение. Люди сами (не власть) структурируют поведение друг друга. Именно микрофизика играет ключевую роль. Власть сверху воспринимается, адаптируется, искажается капиллярной властью. Именно низовая интерпретация и заставляет конструктор работать. При этом открываются неограниченные возможности для существования и деятельности анонимных центров власти, которые стремятся управлять через смыслообразование, через заданную ими систему ценностей. Анонимность посвященных создает все условия для безответственности власть предержащих. Единственным способом выхода из данного состояния становится обретение устойчивости и определенности — но не в контексте институциональной окостенелости, а в стремлении соответствовать в индивидуальной и социальной практике выверенным за тысячелетия нравственным принципам.

Литература

1. Бердяев Н.А. Новое средневековье. М., 2018. 128 с.
2. Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 258–267.
3. Джекобс Дж. Закат Америки. Впереди средневековье. М., 2007. 264 с.
4. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М., 2018. 304 с.
5. Кин Э. Ничего личного: как социальные сети, поисковые системы и спецслужбы используют наши персональные данные. М., 2016. 324 с.
6. Бек У. Что такое глобализация. М., 2001. 304 с.
7. Пилюгина Е.В. Общество постмодерна в парадигме «нового средневековья»: концептуализация // Социология науки и техники. 2016. Т. 7. № 3. С. 139–149.
8. Пилюгина Е.В. Постмодерн в формате «нового средневековья» // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 1. С. 118–123
9. Осокин Н.А. История альбигойцев и их времени. М., 2003. 896 с.
10. Мейлах М.Б. Жизнеописания трубадуров. М., 1993. 736 с.
11. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М., 2001. 443 с.
12. Переяслов Н. Постскрипtum: Литературный журнал / под ред. В. Аллоя, Т. Вольской и С. Лурье. Вып. 3 (8). СПб.: Феникс, 1997. URL: <http://www.vavilon.ru/metatext/ps8/pereyaslov.html>
13. Бутузов Г. Шестой Аркан, или цена вечности (Заметки о последнем романе М. Булгакова). Москва; Воронеж: Terra foliata, 2012. 215 с. URL: <https://knigogid.ru/books/1791826-shestoy-arkan-ili-cena-vechnosti-zametki-o-poslednem-romane-m-bulgakova/toread>
14. Ран О. Крестовый поход против Грааля. М., 2004. 301 с.
15. Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 53–57.
16. Гурко Е. Тексты деконструкции. Деррида Ж. Difference. Томск, 1999. 160 с. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Derr/diff.php
17. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья. СПб., 2019. 448 с.
18. Фуко М. «Нужно защищать общество». СПб., 2005. 312 с.

References

1. Berdyayev, N.A. The New Middle Ages. Moscow, 2018. 128 p.
2. Eco, U. The Middle Ages have already begun. *Inostrannaja Literatura*. 1994. No. 4. P. 258–267.
3. Jacobs, J. The decline of America. Ahead of the Middle Ages. Moscow, 2007. 264 p.
4. Wallerstein, I. Historical capitalism. Capitalist civilization. Moscow, 2018. 304 p.
5. Keen, A. Nothing Personal: How Social Networks, Search Engines and Special Services Use Our Personal Data. Moscow, 2016. 324 p.
6. Beck, U. What is globalization. Moscow, 2001. 304 p.
7. Pilyugina, E.V. Postmodern Society in the Paradigm of the “New Middle Ages”: Conceptualization. *Sociology of Science and Technology*. 2016. Vol. 7. No. 3. P. 139–149.
8. Pilyugina, E.V. Postmodern in the Format of the “New Middle Ages”. *Humanitarian Studies in Eastern Siberia and the Far East*. 2016. No. 1. P. 118–123
9. Osokin, N.A. History of the Albigensians and their time. Moscow, 2003. 896 p.
10. Meylach M.B. Vitae descriptions of the troubadours. Moscow, 1993. 736 p.
11. Bulgakov, M.A. Master and Margarita. Moscow, 2001. 443 p.
12. Pereyaslov, N. Postscriptum: Literary Journal. V. Alloy, T. Voltskaya, and S. Lurie (eds.). Vol. 3 (8). St. Petersburg: Phoenix, 1997. URL: <http://www.vavilon.ru/metatext/ps8/pereyaslov.html>
13. Butuzov, G. The Sixth Arkan, or the Price of Eternity (Notes on the last novel of M. Bulgakov). Moscow; Voronezh: Terra foliata, 2012. 215 p. URL: <https://knigogid.ru/books/1791826-shestoy-arkan-ili-cena-vechnosti-zametki-o-poslednem-romane-m-bulgakova/toread>
14. Rahn, O. Crusade against the Grail. Moscow, 2004. 301 p.
15. Derrida, J. Letter to a Japanese Friend. *Voprosy filosofii*. 1992. No. 4. P. 53–57.
16. Gurko, E. Texts of Deconstruction. Derrida J. Difference. Tomsk, 1999. 160 p. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Derr/diff.php
17. Pastoureau, M. A Symbolic History of the European Middle Ages. St. Petersburg, 2019. 448 p.
18. Foucault, M. “It is necessary to protect society”. St. Petersburg, 2005. 312 p.